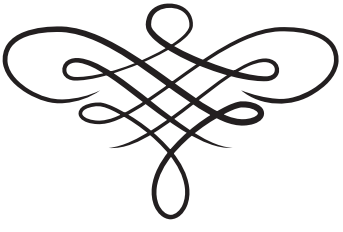
Часть III

КОРА АНТАРОВА

ДВЕ ЖИЗНИ

III ЧАСТЬ



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А72

Антарова, Конкордия Евгеньевна.
А72 Две жизни. Часть III / Антарова К. Е. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 352 с. — (Мастера мысли).
ISBN 978-5-17-166785-6

Книга «Две жизни» — мистический роман, который популярен у людей, интересующихся идеями Теософии и Учением Живой Этики. Этот текст был написан известной оперной певицей, ученицей К. С. Станиславского, солисткой Большого театра Конкордией Евгеньевной Антаровой (1886–1959). Как вспоминала сама Кора Антарова, книга писалась под диктовку во время Второй мировой войны и являлась знанием, переданным через общение с действительным Автором посредством яснослышания — способом, которым записали свои книги Живой Этики Е. И. Рерих и Н. К. Рерих, «Тайную доктрину» Е. П. Блаватская.

В третьей части романа читатель вместе с героями отправляется в Индию, где уже известные нам люди и образы раскрываются в полной мере, изменяясь и совершенствуясь. Помимо захватывающего сюжета, многочисленных интриг и мистики каждая глава несет в себе подлинный источник духовной мудрости Востока, а также отражение идей того времени о семейных ценностях.

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-166785-6

© Антарова К. Е., текст
© Издательство АСТ, оформление

Предисловие психолога к третьей части романа К. Е. Антаровой «Две жизни»

Когда душа просит глубины — не отказывай ей. Третья часть «Двух жизней» — это уже не просто книга о духовном поиске человека. *Это книга о внутреннем преображении.* О том моменте, когда знания перестают быть лишь красивыми словами и начинают становиться жизнью.

Если в первых двух частях герои проходили через страхи, привязанности, испытания любовью, деньгами и властью, то здесь начинается совсем иной этап — этап настоящей внутренней работы. Здесь уже невозможно спрятаться за правильными словами или внешней духовностью. Здесь человек впервые встречается с самим собой по-настоящему.

Бывает состояние, когда внешне все нормально, а внутри — тяжесть. Или случилось что-то болезненное — потеря, предательство, крушение планов, — и ты не знаешь, как дальше жить. Ищешь ответы, смысл, и тогда — если повезет — в руках оказывается книга, которая не даст готовых рецептов, но даст нечто большее: внутреннюю опору, чувство, что кто-то уже проходил этот путь до тебя, испытывал страх, боль, сомнения, но при этом остался живым, любящим, настоящим.

Недаром один из главных посылов книги звучит так:

«Каждый цветок — собственный труд человека.
Каждая удача — твоя победа в тебе самом».

Это очень зрелая мысль. И, возможно, одна из самых важных для современного человека.

Действие романа переносится в Индию — в общину просветленных, скрытую от глаз обычного мира. Но Индия здесь — это символ другого состояния сознания. Символ внутренней тишины, глубины и пробуждения души. Именно здесь человек впервые остается наедине с собой без привычной суеты, без ролей, без желания казаться. И потому третья часть «Двух жизней» так глубоко действует на читателя.

Сегодня человеку особенно трудно оставаться в контакте с собой. Мир требует скорости, продуктивности, постоянного движения. Люди устают не столько от работы, сколько от внутреннего шума — тревоги, бесконечных мыслей, необходимости все время быть сильными и успешными. И книга Конкордии Антаровой мягко возвращает человека к почти забытой истине: *внутренний покой не приходит извне*. Его невозможно купить, заслужить или получить через признание других людей. Он рождается внутри — в тот момент, когда человек начинает честно смотреть на себя.

Сегодня многие ищут быстрых решений, быстрого счастья, быстрой любви, быстрого исцеления, но Антарова показывает совершенно другой путь: настоящее изменение происходит не снаружи, а внутри человека. И этот путь требует терпения.

Третья часть особенно много говорит о страхе. Но не о страхе как о слабости, а о страхе как о естественной части человеческого пути. Герои книги боятся, теряют, страдают, сомневаются, но продолжают идти. И в этом — огромная психологическая ценность романа. Потому что современный человек часто пытается не чувствовать страх вовсе, стыдится тревоги, считает свои переживания признаком слабости. Но книга еще раз подтверждает: *смелость — это не отсутствие страха. Смелость — это способность не предавать себя даже тогда, когда страшно.* Именно поэтому так важен путь Левушки. Он один из центральных героев третьей книги и, пожалуй, один из самых живых и человечных образов романа. Он символизирует душу человека, которая пробуждается. Его путь — это путь каждого человека, который однажды почувствовал, что больше не может жить поверхностно. Левушка продолжает свое духовное обучение, но теперь ему уже недостаточно просто понимать высокие истины, ему предстоит научиться жить ими. И именно это оказывается самым сложным испытанием. Слова Али становятся для него внутренним ориентиром:

«Живи легко, бесстрашно и свободно».

Антарова очень точно показывает: *духовный путь — это не уход от жизни и не красивые разговоры о свете.* Это ежедневная работа со своими мыслями, страхами, раздражением, гордыней, обидами и слабостями.

«Каждый человек, становясь на путь знаний,
начинает прежде всего понимать, что он ничего не знает».

Именно с этого внутреннего смирения начинается настоящее взросление души. На протяжении всей третьей части Левушка сталкивается с усталостью, сомнениями, внутренними искушениями и ощущением собственной несовершенности. Но постепенно *он учится самому важному — служению людям*. Не ради признания, не из чувства долга, а *из глубокого понимания, что человек не может быть по-настоящему счастливым, если живет только для себя*. И, наверное, это одна из важнейших мыслей всей книги.

Сегодня очень многие люди находятся в состоянии внутреннего одиночества. Мир стал комфортнее, быстрее, но при этом многим не хватает смысла. И третья часть словно напоминает: *смысл рождается тогда, когда человек начинает приносить свет не только себе, но и другим*.

Еще один очень значимый образ книги — Али. Он символизирует духовную зрелость, соединенную с огромной любовью к людям.

Постоянно возвращает героев к простым вещам: *к доброте, милосердию, вниманию к человеку*. И это особенно трогает меня как психолога, потому что за годы практики я увидела: человек исцеляется не только от техник и методов. *Человек глубоко меняется тогда, когда рядом с ним появляется пространство принятия, уважения и любви*. Именно такую атмосферу создает Али. Он не унижает слабого, не осуждает заблудившегося, не пугает человека его ошибками. Он помогает вспомнить самого себя. Сегодня это особенно важно. Мы живем в мире, где слишком много обесценивания. Люди боятся быть самими собой, ошибаться, оказаться недостаточными, а эта книга словно говорит читателю: *«Ты можешь расти без насилия над собой, ты можешь проходить свои испытания не через ненависть к себе, а через любовь»*.

Очень глубоким получился и образ Натальи Андреевой. На первый взгляд она может показаться резкой и слишком сильной. Но за этой внешней суровостью скрывается огромная внутренняя мощь и способность защищать свет. Наталья символизирует верность себе, и это невероятно актуально, потому что *современный человек очень часто теряет себя, пытаясь соответствовать ожиданиям окружающих*.

Книга снова и снова возвращает нас к мысли: *верность себе — не эгоизм*. Это внутренняя честность.

Совсем другой образ — Бронский. Талантливый, яркий, внутренне беспокойный. Через него автор показывает конфликт между даром и человеческим эго. Бронский учится самому трудному: *не превращать талант в поклонение самому себе*. И как это узнаваемо для нас. Многие люди живут в постоянной гонке за признанием, боясь оказаться недостаточно успешными или значимыми. И через Бронского роман словно напоминает: *настоящий талант раскрывается только тогда, когда перестает служить тщеславию*.

Особое место в книге занимает И. — Учитель, сопровождающий Левушку на пути в Индию. Его сила не во власти и не в мистике, а в удивительном спокойствии и способности видеть глубину жизни там, где другие проходят мимо. Для современного человека И. становится образом внутренней опоры — той тихой части души, которую мы часто перестаем слышать среди тревоги и бесконечной спешки.

Франциск — один из самых светлых образов романа. Он словно воплощает любовь, которая ничего не требует взамен. Именно Франциск помогает Левушке распознавать в себе то, что в книге называется «злыми карликами»: раздражение, страх, зависть, эгоизм, — и здесь роман неожиданно становится очень современным. Потому что *наши современники бесконечно пытаются «улучшить» себя, живя в постоянной внутренней войне*.

Антарова предлагает другой путь: *не подавлять свои темные стороны, а научиться видеть их спокойно, без страха и самоуничтожения*.

**«Все чудеса и несчастья носит в себе сам человек.
Когда человеку открывается знание, он становится спокойным,
ибо мудрость оживает в нем».**

В третьей части особенно ярко раскрывается тема ответственности человека за собственную жизнь.

**«Связи людей, их любовь и ненависть —
все плоды не одной данной жизни».**

Антарова словно показывает читателю: *человек способен менять свою судьбу через мысли, поступки и внутреннее состояние,* через то, что он ежедневно выбирает внутри себя.

**«День — это то, что он сам в него вложил, а не то,
что к нему пришло извне».**

Наверное, именно поэтому роман так глубоко влияет на читателей уже много десятилетий. Это не просто мистическое произведение. Это *книга, которая помогает человеку иначе посмотреть на свою жизнь — не как на цепочку случайностей, а как на путь.*

«Каждый видит и слышит только то, до чего он сам дозрел».

Когда я читаю третью часть, я особенно ясно чувствую одну мысль: *невозможно изменить жизнь, не меняя свое внутреннее состояние.* Эта книга помогает внимательнее относиться к своим мыслям, к людям, к собственным реакциям. Напоминает, как *важно не ожесточаться, не жить только тревогой, не терять способность видеть свет даже в сложные периоды жизни.*

Третья часть «Двух жизней» особенно важна сегодня — в эпоху внутреннего выгорания, тревоги и одиночества среди людей. Она словно дает человеку разрешение быть несовершенным, уставшим, ищущим и при этом — продолжать идти не ради идеальности, а ради любви. *И главное послание этой книги звучит очень просто: не бойся жить, не бойся любить, не бойся взрослеть душой.* Потому что именно в этом — настоящая свобода. Каждый раз, открывая эту книгу, словно снова слышишь тихое напоминание:

**«Старайся выбирать свои мысли,
храни и удерживай мысли светлые и бодрящие и прогоняй мысли унылые.
Нет ни болезней, ни злой судьбы для человека,
есть одна лишь та судьба, которую он сам себе создал,
и судьба эта — следствие, результат его собственных мыслей и дел».**

Татьяна Попова
психолог, гипнотерапевт, коуч

ГЛАВА I

Приезд в имение Али. Первые впечатления и встречи первого дня

Долго, очень долго странствовали мы с И., пока добрались до Индии. И. часто делал длительные остановки, желая дать нам не только отдых, но и предоставить все возможности понаблюдать жизнь народов и подсмотреть их нравы и обычаи.

Делая крюк за крюком, руководясь отчасти и своими делами, а чаще всего стремясь расширить «мои университеты», он привез меня в Багдад. Смеясь, он уверял меня, что мне необходимо понять прелесть реального Багдада, а не судить о нем только по сладким пирогам.

Наше путешествие, длившееся несколько месяцев, благодаря ежедневному влиянию и заботам И. не только закалило мое здоровье, но изменило мой характер. Я почти перестал становиться Левушкой-лови ворон, внимание мое стало дисциплинированным, и — я не знаю сам, как это случилось, — я больше не впадал в раздражение.

Рассказать обо всех чудесах, что довелось мне видеть, так же невозможно, как невозможно отразить в одной статуе всю сложную мысль, как жизнь современной эпохи народов. Могу сказать только, что, как ни готовил меня И. к тому, что я увижу в Индии, она меня поразила сильнее всех чудес, которые нам пришлось увидеть за долгое путешествие. Я знал, что мы едем к подножию Гималаев, знал, что имение Али расположено в прекрасной и живописной долине, но я никак не ожидал, в какую волшебную красоту мы попадем.

Судя по тем домикам друзей И., в которых мы останавливались, я думал найти и в имении Али такой же маленький чистенький коттедж, снабженный единственным очагом и необходимой для жизни утварью. Как и во многом другом, здесь меня ждало разочарование. Дом в имении Али был прекрасный, из белого, похожего на мрамор камня, с многочисленными колоннами, с комнатами, изолированными друг от друга.

Нас с И. ждали две чудесные комнаты в верхнем этаже с балконами. И когда я вышел на свой балкон, открывшийся с него вид так меня поразил, что я все забыл и, разумеется, превратился в прежнего Левушку и «ловиворонил» до тех пор, пока солнце не закатилось за горы. А я все стоял, забыв обо всем.

Привела меня в себя мягко опустившаяся мне на плечо рука И. Ах, как он был прекрасен! Я еще никогда не видел его таким чудно красивым, каким он стоял сейчас передо мной: в хитоне оранжевого цвета;

волосы его слегка отросли и спускались короткими локонами, а топазные глаза могли поспорить со звездами Ананды.

Я хотел закричать ему: «Как вы чудно прекрасны, И.!» — но не мог выговорить ни слова. В первый раз я почувствовал, как он высок, необычайно выше всего простого человеческого, мой дорогой друг. Чувство благоговения, благодарности за все, что он для меня сделал, преданность и верность ему захватили меня. Я молча смотрел на него. Он понял мои чувства и, ласково улыбаясь, сказал мне:

— Я не тревожил тебя, Левушка, потому что знал, как действует на человека этот дом и этот вид из него, когда его видят впервые. Но сейчас наступит вечер, который здесь спускается сразу. Мы должны вовремя поспеть к ужину. Пойдем, я покажу тебе, где ванна и душ, познакомлю тебя с управляющим домом и со слугой, который будет у нас с тобой общим. Ты можешь надеть индусское платье, какое здесь носят все, или остаться европейцем, если тебе это больше нравится. Но точно являться к трапезам — это единственное правило, соблюдаемое всеми в большой строгости. Не беспокойся, ты поспеешь, — улыбнулся И., прочтя на моем лице опасение опоздать.

Мы прошли к управляющему домом, одетому также в белую индусскую одежду и, судя по лицу, бывшему типичным туземцем. Он был красив, еще молод, тонок и гибок. Продолговатое лицо, темное от загара, темная бородка-эспаньолка, темные глаза и белый тюрбан на голове. На мое приветствие он ответил по-английски, но с сильным акцентом и певуче. Голос его был мелодичен и мягок; взгляд добрый, но пристальный и внимательный, как будто бы он старался меня запомнить, что-то во мне изучить и понять. Но мне некогда было об этом раздумывать, я запомнил только, что звали его Кастанда. Меня очень поразило это имя, но тут же я вспомнил о ванной и помчался в нее с одной мыслью: скорее вернуться к И.

Меня ждали сюрприз за сюрпризом. Я думал увидеть какую-либо самодельную умывалку, вроде тех, что встречались нам по пути. Чаще всего просто огороженное в саду место с душем из нагретой солнцем воды. И попал в отличную ванную комнату с полом и стенами из плиток, с неограниченным количеством теплой и холодной воды, лившейся из водопроводных кранов. К довершению моего удивления, не успел я раздеться, как в ванную комнату вошел слуга-китаец. Добродушно улыбаясь, он заявил, что прислан Кастандой помочь мне. Не дав мне опомниться, он окатил меня из какого-то кувшина чем-то теплым, оказавшимся жидким душистым мылом. В мгновение ока он растер меня всего мягкой мочалкой, подвел под душ, а затем завладел моей головой, так что мне оставалось только закрыть лицо руками.

Отфыркиваясь и не решаясь открыть глаза, я шел за слугой, который тащил меня из-под душа куда-то настойчиво и очень осторожно.

— Садитесь теперь в ванну, монсье Леон, — услышал я по-французски. Я готов был ко всему. Но, услыхав от китайца, который только что объяснялся со мной на плохом английском, французскую речь, я не выдержал и так расхохотался, что открыл глаза и напустил в них мыла.

Бросившись в прекрасную ванну такого же белого камня, как дом, я тер глаза и продолжал хохотать.

— Вот Али-молодой говорила, что монсье Леон — очень веселая особа, — снова услышал я голос слуги.

— Разве вы знаете Али-молодого? — удивился я.

— Как же не знать? Я вырастил Али-молодого. Он и послал меня сюда для вас и брата И. И сам он приедет сюда. Тогда у меня будет три господина, — преуморительно коверкая слова, отвечал слуга.

Выскочить из ванны, растереться и одеться в костюм, который был уже мне знаком, было делом одной минуты. Сердечно поблагодарив китайца за помощь, я спросил, как его имя. Он немного замялся и ответил:

— Как имя — это другое дело. Вы зовите меня Ясса — так зовет меня Али-молодой и зовут все здесь.

— Я буду звать вас Ясса, но с тем, чтобы вы звали меня просто Левушка, как меня зовет Али-молодой и как будут звать все здесь.

Китаец рассмеялся и сказал:

— Будет так, если И. велит.

— Велит, велит, можете быть уверены.

И я бросился было бежать к И., но понесся в совершенно противоположную сторону и только с помощью все того же Яссы нашел И. в его комнате в беседе с Кастандой.

— Я не опоздал, И.? — весело воскликнул я, вбегая в комнату.

— Еще только через четверть часа будет гонг, — ответил мне Кастанда. — Не удивляйтесь, пожалуйста, если ваш и И. приборы будут украшены цветами. Али Мохаммед, наш дорогой хозяин, предупредил нас о приезде его друзей. И каждый из живущих здесь сейчас пожелал выразить чем-нибудь свой привет вновь прибывшим гостям. Сам же Али-старший приветствует вас подарками, которые вы также найдете на своих приборах.

Кастанда нас покинул, и И. сказал мне:

— В столовой, как и здесь, царит простота, Левушка. Но это не значит, что человек лишен комфорта. Сейчас у тебя ослеплены глаза. Ты рассеялся и не знаешь, куда и на что смотреть. Завтра ты лучше рассмотришь окружающее тебя. Мы пойдем сейчас ужинать, не смущайся большим числом незнакомых тебе людей. Ты встретишь немало и женщин.

У меня сжалось сердце. Точно живая, пронеслась перед моими глазами Анна.

О, как остро я почувствовал ее горе в эту минуту. Она могла быть здесь с нами. Ананда сам мог привезти ее сюда, и вот одно мгновение сомнений и ревности — и все пропало.

— Анна не безвозвратно отошла, — тихо и ласково сказал мне И. — Она укрепится и будет здесь. Ее бури ревнивых сил не вспыхнут больше. Но будет она здесь только тогда, когда сюда приедет и дочь Али — Наль, со своим мужем, твоим братом. К этому времени Али сам привезет сюда Анну. Не тоскуй о ней. Помогай ей мыслями радостной

любви. Посылай ей каждое утро и каждый вечер помощь бодрости и мужества. Ничем более активным ты в данную минуту ей помочь не можешь. Но ты не думай, что это так мало. Это очень большая помощь. Ежедневная радостная мысль о человеке равняется постройке рельс для молниеносного моста, на котором можно научиться встречаться мыслями с тем человеком, о котором будешь радостно, чисто, пристально и постоянно думать.

Ударил гонг. И., как всегда угадавший мое смущение, взял меня под руку, и мы сошли вниз. Уже было почти темно, очень тепло, почти жарко. Зал, называвшийся столовой, был ярко освещен, к моему удивлению, электричеством. Несколько дверей в нем были настежь открыты, окна были завешены мокрой кисеей, и под потолком вращались десятки огромных вееров, создававших прохладный ветерок. Но все же было душно.

Я понял, насколько я окреп. Я не мог бы вынести ни минуты такой жары раньше. Перед этой жарой духота Константинополя казалась шуткой. Несколько месяцев тому назад я немедленно упал бы в обморок, а сейчас мне было просто душно. Мой индусский костюм и сандалии на босу ногу очень мне помогали.

Мы вошли одними из первых. Кастанда сейчас же подошел к нам и проводил к нашим местам. Они оказались за крайним столом, на котором было много приборов, как и на других столах. Многие из входивших приветствовали И. как старого знакомого. Некоторые кланялись нам обоим издали как вновь прибывшим друзьям. Здесь все, очевидно, были знакомы друг с другом и никто никого не стеснялся.

Когда все заняли места за столами, на каждый стол стали подавать кушанья очень своеобразным порядком. На небольших, очень пропорциональных и красивых столиках, которые катили слуги, стояли миски и блюда, и каждый брал себе то, что хотел и сколько хотел. Такие катящиеся столики свободно проходили между обеденными столами. Наш стол был крайним к окнам, и тележку прикатили к нам со стороны окна.

И. предложил мне выбрать блюда для него и себя, а я не мог решить, что и как здесь едят. Заметив на одном из блюд салат из помидоров, на другом картофель, на третьем цветную капусту, я принялся снабжать ими И., как вдруг увидел чудесную дыню. Вспомнив, что «мудрец без дыни невозможен», я уже хотел положить туда и дыню, но И., смеясь, сказал:

— Тележка-стол, Левушка, опять приедет, как только мы с тобой справимся с овощами. Обрати лучше внимание на цветы, которые перед тобой, и еще кое на что. Быть может, привет Али тебя тронет.

Я стал рассматривать цветы и увидел, что передо мной в высокой зеленой вазе стояла белая лилия. Очевидно, у Али и здесь были оранжереи. Но я положительно не мог ни на чем сосредоточиться. Сколько передо мной было лиц — мужских, женских, молодых, средних и старых, — и каких лиц! Мне хотелось их хотя бы вскользь рассмотреть, но каждое лицо, на котором останавливался мой взгляд, казалось мне замечательным, и я с трудом отрывал взгляд от него.

— Нет, Левушка, и не пробуй сразу разглядеть все и всех, — услышал я смеющийся голос И. — Здесь более ста человек, ты их узнаешь постепенно.

Кушай, осмотри свой прибор и сосчитай хотя бы тех, кто сидит с нами за одним столом.

Я вздохнул, поняв, как далеко мне до И., который мог видеть сразу сотню людей и в несколько минут определить полную характеристику каждого; мог каждому сказать именно то, что ему нужно, и поддержать в каждом энергию одним словом или взглядом.

Меня уже не поражали эти свойства в И. Я их достаточно видел во Флорентийце и Ананде. Меня что-то поражало в этом переполненном людьми зале, которых я видел за последнее время так много. Было здесь что-то особенное, чего я еще нигде не наблюдал. И это «что-то» относилось не к внешнему своеобразию самого зала, а к людям в нем, к внутренней стороне, к не бросавшейся ничем в глаза, но остро чувствовавшейся духовной культуре. Я воспринимал сейчас эту толпу людей совершенно по-другому. Здесь нельзя было себе представить, что вдруг в каком-либо углу зала прозвучит резкий выкрик, саркастический смех, злобная фраза...

И. снова отвлек мое внимание и заставил меня есть, говоря, что тележка приедет скоро снова, а я отстаю. Я стал есть, не сознавая, что я ем, посмотрел на салфетку и обомлел. На моей салфетке было чудесное золотое кольцо с именем Али, выложенным из мелких зеленых камней и белых жемчужин.

— Ведь я говорил тебе: посмотри поближе к себе, — сказал мне И., снова улыбнувшись моей невероятной рассеянности.

Я захотел узнать, какое кольцо у И., и еще раз обомлел. На его салфетке было кольцо из простого белого дерева, на котором из белого коралла была надпись: «Али». Дальше шла надпись на неизвестном мне языке.

— Когда я ехал с Флорентийцем из К., — сказал я И., — я не понимал ни слова из того, что он говорил туземцам. Я был все время тогда раздражен и расстроен. И я дал себе слово изучить этот язык, непонимание которого доводило меня до исступления. Я ничего еще не сделал, чтобы выполнить свой первый обет. Тем не менее я даю второй обет: узнать язык, на котором сделана надпись на вашем кольце, И. Я потерял способность раздражаться, меня не угнетает мое невежество. Пожалуй, в моем теперешнем самообладании я еще яснее ее вижу, мою невежественность. Поможете ли вы мне, И., выполнить мои два обета?

— Охотно, друг. Только, пожалуйста, не давай больше скоропалительных обетов, а то, пожалуй, тебе придется прожить здесь, в Общине Али, годы и годы. А я привез тебя сюда только на короткий срок, чтобы ты мог подготовиться здесь к дальнейшей жизни подле Флорентийца.

— Община Али? — совершенно изумленный, спросил я.

— Да, но все это я расскажу тебе после. Сейчас кушай, смотри, отвечай на вопросы, хотя, думаю, никто ни о чем тебя не спросит.

Так, прислушиваясь к разговорам за нашим столом, я стал внимательно рассматривать своих ближайших соседей. Я прикоснулся к цветам возле моего прибора и вдруг увидел среди них два небольших конверта. На каждом из них стояло мое имя. Я сразу узнал крупный, четкий почерк Али-старшего и не менее четкий, но гораздо более мелкий и женственный почерк Али-молодого.

Вместе с огромной радостью на меня нахлынула целая туча воспоминаний. Я вновь переживал пир у Али, разлуку с братом, встречу с Флорентийцем и отдельные эпизоды путешествия с ним. Любовь к брату была все такой же сильной в моем сердце; но сейчас в моей памяти преобладающей нотой звучала не скорбь о разлуке с ним, а радость за него, радость, что он счастлив, в безопасности и живет подле Флорентийца. Я думал об Али-старшем с большой благодарностью не только за то, что сейчас сидел под его кровом, но и за то, как много он сделал для брата, как, в сущности, оба мы были обязаны ему всем.

И вдруг я снова ощутил знакомое мне содрогание во всем организме. Мне показалось, что я вижу Али стоящим у круглого окна вдали. Вижу его прожигающие очи и слышу сильную, четкую речь:

— Учись, Левушка. Первой задачей стоит перед тобой полное самообладание, второй — бесстрашие и третьей — такт. Приобретя эти качества, ты можешь снова выйти в мир для труда и служения людям. И. поможет тебе, я приму тебя в круг моих сотрудников.

Али исчез. Мне показалось, что стало значительно темнее в комнате. Я опомнился потому, что И. заботливо помогал мне встать со стула. Я давно не впадал в болезненное состояние иллюзорных видений, считал себя совсем выздоровевшим от них и сейчас совершенно расстроился, поняв, как я еще мало окреп.

Все вставали со своих мест, очевидно, ужин был окончен. Повинуясь руке И., я также встал с места и увидел перед собой Кастанду.

— Вы, вероятно, очень устали от дороги и жары, Левушка, я пришлю вам ваши цветы на балкон.

А письма вы, конечно, захотите взять с собой сейчас же, — подавая мне конверты, сказал Кастанда.

Я поблагодарил, взял оба письма, хотел взять и кольцо, но И. сказал, что кольцо мы рассмотрим завтра при дневном свете. Он познакомил меня с некоторыми из подходивших к нему друзей. Но я был как в тумане и едва различал лица, за минуту до этого казавшиеся мне такими значительными. Мы вышли в сад. Я в первый раз мог наблюдать яркое небо на громадном просторе, но сил у меня было так мало, что я попросил И. сесть на первую попавшуюся скамью. Я приник к И. От него бежала ко мне живительная энергия. Я постепенно успокоился и почувствовал, что сердце мое бьется ровно. Я сказал, что хочу пойти к себе и прочесть письма обоих Али.

— Скоро, гораздо скорее, чем ты думаешь, Левушка, ты научишься владеть собою и будешь слушать речь друзей на огромном расстоянии без всякого напряжения, — ласково говорил И., провожая меня домой.

Из всего окружающего меня сейчас я мог только в одном дать себе отчет: тишина ночи отвечала тишине во мне. По дорожкам сада двигались темные тени группами, парами, в одиночку. И снова, сталкиваясь с людьми, шедшими нам навстречу, я чувствовал, как в обеденном зале, что от них льется доброжелательство. В чем оно выражалось и как я мог его ощущать, я не знал. Но был определенно уверен, что здесь никто меня не судит, не разбирает по статьям, а очень просто и любовно принимает в свое общество.

И. вел меня какими-то дальними путями, я понял, что он хотел мне дать возможность совсем прийти в себя. Мне стало вдруг даже смешно: неужели И. думает, что я прежний Левушка, что в какой-либо щели моего существа могло засесть раздражение?

— Мой дорогой И., я уже давно способен читать мои письма; голова моя в полном порядке. Неужели вы можете предполагать, что я сегодня был раздражен? Я уже забыл, как это делается, — весело заглянул я в лицо при ярко горевших звездах.

Я знаю, что для тебя стало невозможным раздражаться, Левушка, и если я так долго вожу тебя по саду, то только для того, чтобы в первую же ночь, как ты войдешь в здешний дом Али, ты вошел в полное равновесие сил и чувств. Мы в Общине Али. Каждый из нас, придя сюда, уже прошел крестный путь жизни. Но не каждый прошедший его мог дойти до этого дома. Здесь ты увидишь только тех, кто просветлен в своем страдании, кто понял, принял и благословил свои обстоятельства, кто захотел жить, служа человечеству, думая об общем благе.

Входя сегодня в этот дом, подумай, мой дорогой мальчик, обо всех, кого ты оставил в Константинополе. Обо всех, кто сейчас вокруг Ананды и Флорентийца, а также вспомни сэра Уоми и всех, кто с нами был и ушел утешенным и обрадованным. Оба Али будут говорить с тобою в письмах; благослови день встречи с ними. Сбрось всю тяжесть прежней скорби и недоразумений с себя.

Войди под новый кров Али свободным, легким и радостным. Не думай, что сулит тебе «завтра». Но заверши свое «сегодня» такой полнотой чувств, чтобы весь твой организм мог воспринять слова, что пишет тебе Али-старший.

Мы вошли в дом, поднялись к себе, и я простился с И., чтобы наедине прочесть письмо Али, чудесное лицо которого я так недавно видел глядящим на меня из эфира в круглом окне.

«Друг, брат и милый сын!

Нет расстояния и условного разъединения для тех, чье сердце горит неугасимой любовью. Нет смерти для тех, чье сознание раскрыло человеку его живую Вечность, которую он в себе носит.

Сегодня ты вступил в мой дом на Востоке. Вступи в него не гостем, не другом, но равноправным членом моей семьи. Все, кого ты там встретишь, — твои братья и сестры, идущие путем труда и совершенствования. Тебе дано больше, чем многим